

Марина Теликина

Части часть

Стисси

ЧАСТИ ЧАСТЬ

Марина Темкина

ЧАСТИ ЧАСТЬ

**« СИНТАКСИС »
ПАРИЖ**

Худ. С. Блюмин

1985

• «Syntaxis»

8, rue Boris Vildé
92260 Fontenay-aux-Roses
FRANCE

Памяти моего отца

**Я — части часть, которая была
когда-то всем и свет произвела.
Свет этот отражение тьмы ночной
и отнял место у нее самой.**

**”Фауст” Гете
в переводе Б. Пастернака**

• I •

•

Спокоен час.
И суета минут
не даст ему поспешностью пролиться.
Ах, этот сон так часто, часто снится,
там души в сонные свои тела идут.

Там возникает жизнь
от взгляда одного,
там каждый миг у вечности в запасе.
Мой голос тих. И стих предельно ясен,
и время есть, чтоб записать его.

1971

Город снял ночные декорации,
медленно натягивает утро.
Под балконом, на углу, Три Грации
двигаясь, не двигаются будто.

По окоченевшим жилам улицы
побежали красные трамваи.
Голубь на карнизе то ссутулится,
то пройдет. Сквозь веки наблюдаю

малое, великое и малое
на рассвете кажется макетом.
Не поверите, как жутко стало мне,
что осуществится он с рассветом.

1966

Утро

Дремотной сладостью оконченного сна
вошел рассвет, ступавший незаметно,
в окне пучок деревьев отыскал,
а в комнате застал врасплох портреты.

Деревья, отстранившись от домов,
почувствовав, что близость неприятна,
вели от теноров и до басов
труднейшие свои арпеджиато.

Сон отпускал. Трамваев голоса
разбредили скрытность дня и гласность.
Сорвался звон, как корочку сорвал,
вагон, проехавший под окнами и красный.

Вспомненное — 1

Проталина. Ручей забьется у виска,
разворошит в снегах понятие "весна",
к которому никто не приготовлен;
замолвит слово, выклянчит вперед
прощанье, прямо в ухо пропоет
и отзовется оползнями с кровли.

Грассирует. Язык изнашивается до дыр.
Разводит таянье, хитрейший из настыр,
и в дружбу набивается, как в детстве,
кривляется и жилит — все не в срок.
Отчаешься: ну есть же где-то Бог,
управа, то есть. А любовь?.. Бессмертье?..

Вспомненное — 2

По булыжной по Радищева
едут дядьки деревенские,
по одежде словно нищие,
а телеги их двухместные.

Серою соломой крытые
(говорят, должна быть желтая),
плащ-палатками, как плитами:
под снежком товар уложенный.

А напротив — отгороженный
каменной стеной с афишами
двор. — Нельзя: туда, мороженое,
разговаривать. ” Ну, тише ты.”

За стеной дубы столетние.
Мы обменивались взглядами
с лошадьми — они приветливы,
но на Мальцевский пролязгали.

Белые ночи

1

Белой ночи молоко
на асфальт нагретый
пролилось, и нелегко
разглядеть, как где-то
закипело, и туман
загустел, и лето
крутит мельницу обнов:
сыты мы, одеты.

Сшиты небо и земля
швом по горизонту,
два натянутых холста,
сотканые тонко.
Прикрепленные на них
облака тесемкой
засветились, как пустой
край у фотопленки.

Ночь. На подрамник горизонта
натянут неба белый холст.
Овальный, нестерпимо-желтый
желток луны по небу полз.

Четвертый час. Улегся ветер
на раму моего окна,
как будто издали наметил,
где скоротать остаток сна.

Спрошу, что нового на свете?
— Июнь настал. — что до меня,
вопрос содержится в ответе,
понятнее день ото дня.

Проводы

Крахмальный май. Начало лета.
От прачки белая шагает ночь.
Исчезновение кого-то незаметно,
но и смириться с ним невмочь.

” Ах, пташки, пташки, да канарейки,”—
сосед пытается пропеть,
пробормотав ” судьбу-злодейку”,
а мне так впору зареветь.

Крахмальный май. Я не одета.
Присядем, время улетать.
Теряет город мой Поэта,
а кто-то — сына, кто-то — мать.

1972

Сама с собой

Помедли, Парка, пряжу отложи,
о, дай же времени, чтоб нитка не кололась.
Где детский плач живет и вдовый голос,
оттуда родом я, где в плаваньи мужи.

Там закопченная тренога очага,
и на доспехах медных злые лица,
жизнь не заметна там, и смерть так притаится,
что не последует посмертная строка.

Подталкивая День, там Ночь легка,
вторгается, не ведая преграды,
и сбоку подошедшие Плеяды
застыли в расстоянии шажка.

Три отрывка

1

...хотелось жить в чужих домах,
пока хозяева на даче,
и, как особую удачу,
с их полок книги доставать.
И напроситься ночевать,
чтоб видеть в окнах на рассвете
Илью-пророка ли в карете,
чердачного ль kota в бегах?..

2

...не уживутся: изведут руно,
смешают с шерстью
овец домашних — на сукно,
и позабудут вовсе, для чего
так долго плавали,
и звук пустой: "Арго",
и почему оказывались вместе...

...я только слушатель, и прежних дружб не вспоминаю.
Скорее холодят, коль сохранился след
былой горячности. Они прошли, их нет.
И не согреться у огня — трясешься с краю.

Кофейный Малый зал. Перекипает пена,
закупорив, как гущею, канал.
И если новых лиц черед настал,
то не идешь навстречу смело.

1975

•

Посмотришь изнутри устроенного мира
в прорехи облаков на голубые дыры,
на приспособившийся штопать серый дождь,
поймешь: здесь что-то есть, что — не поймешь.

Взгляд, возвращаясь вниз, цепляется за склоны,
подставленные по известному закону:
чтоб падавшее сверху тело впредь
не разбивалось об родную твердь.

•

Здесь очертанья гор неровностью штриха,
дрожанием руки в истоме созиданья,
как будто говорят о том забытом, тайном,
кто... но перстом у губ:" Молчи!" — он услышал.

Привыкнув видеть их с рассветом из окна,
как буду жить, глядеть в асфальт унылый,
в окно, что зиму целую не мыли,
и в обездоленное небо в облаках?..

День долог. Звон в ушах от падающих капель.
Дождь тычет в землю, ставя нам на вид,
и не понять, что в этот раз прошляпим,
чтобы начать виниться: вдруг простит.

Еще узнаем. Сборы долгие в природе.
Смыкают круг: вот Бог, а вот порог.
Дождь мнется, топчется, и в миг, когда проходит,
все и кончается: земля уходит из-под ног.

Ноябрь

Когда замешкавшаяся зима
близка, и тяжесть и печаль такая,
что выживаешь из последнего ума
и время беребишь, природе сострадавая.

Лист удержался из последних сил,
но ветер, ухватившись, тянет, тянет,
а лес, в бесчувствии, одервенел, застыл,
и все уже завяло то, что вянет.

И стало видно, как худа земля:
не до прикрас — до кости оголилась,
не замечая нас, о помощи моля
того, в чьей воле снег и милость.

Автопортрет

Обыкновенность. Пустяки.
Отшельнические привычки.
Гладкозачесанная кичка.
Статьи. Серьезность. Ни строки.

Но перед чаем поглядеть-
ся в зеркало и вынуть шпильки,
посыплется, как из копилки,
вся легкомысленная медь.

Смешить и путать чьих-то слов
обрывки, имена, портреты,
и вспоминать за сигаретой
его стихи его стихов, его стихов.

• II •

В Летнем

Ливень занавесом театральным
с шумом упал, полотном повиснув
домотканным, образовав кулисы.
Тянут шеи деревья увидеть: что в зале,
где рукоплещут его победам.
Аллеи от взгляда в скобки закрыты.
Крах водораздела — сушей квиты.
Отражения, города alter ego,
перемывают косточки. Голубиный
слой на скульптуре сходит, смывая
с торсов лишнее: плащи сползают,
стих течет зашиворот, моет спину.

Театр теней

1

Что вытворяют птицы по утрам
на майских игрищах среди штрихов и веток,
что сделалось с деревьями под ветром,
настроенными на зеленый гам...

Что остается от ночных гравюр:
живых картин, где белизна на черни
расположилась, ласкам легковерным
открыв и примадонн и примадур.

Что медлит просигналить голосам,
когда вступать и начинать прощанье?..
Но тихий свист последнего свиданья
ответным дуновеньем просвистал.

2

Лесной ручей смущенные признанья
в сыновних отношениях к реке
твердит, и птица вторит вдалеке,
растягивая звуков сочетанья.

Лежишь в траве, устав от передрыг.
Разброд небес томительно темнеет,
и на всю ночь повадившийся мрак
спускается в заждавшуюся зелень.

В орешнике высвистывать — тебе ль,
упорствуя над трелями, годится?
Всем дорожу, к чему смогла прибиться,
здесь Пан живет, и вот его свирель.

Птенца высвобождая из силка,
транжиру звука в опереньи черном,
боюсь наделать зло, а он, уже ученый,
клевал с руки, и вот — пуста рука.

1976

На исполнение Третьей симфонии Бетховена
"Eroica", 1804

Дирижеру Даниэлю Боренбойму

1

Маэстро, покажите нам затакт!
Вот подношение от захолустных немцев,
принявших в романтическое сердце
свержение Бурбонов, словно факт,
что позволительно затверженный пассаж
наполнить гармонической завязкой,
идеей неосмысленно-бунтарской,
развитие пока ей не придашь.

Вот марш для гвардии, для кринолинов — вальс,
Нет, вальса нет еще, он только предугадан,
а вот урок — на завтра будет задан,
чтоб оперу смягчил германский смальц.
Ах, сколько тактов сорвалось в галоп,
триольных волн перебегают всплески,
с воланом кружевным сплетаясь тесно
и намокая в гривах скакунов.

О, ваших праздников веселье и порок!
Французских вольностей пленит непостоянство,
последствие прямого вольтерьянства.
— Признательны и восхищенны впрок.

От ми бемоля строится мажор
весьма сомнительный, как смысл республиканства,
что знает гениальное упрямство
в Аустерлиц нестись во весь опор.

О, юношей утеранный покой!
О, ветреной истории подарки!
Вот разрушитель дерзостный монархий,
их маленький капрал, какой герой:
раздвинув шторы европейских карт,
переполняет души ожиданьем
великих перемен. — Зачем же званье
меняет генерал Буонапарт...

2.Эпилог

Шел век батальных сцен в развернутых пейзажах,
снов императорских в походных экипажах,
из всех столиц несло, из европейских башен
на разных языках: "Мы им покажем."

Правление не управляет жизнью:
читай философические письма.
Патриотизм, герой, служение отчизне —
предпочитаю одам афоризмы.

Английского рожка призыв звучал уныло,
в глазах от треуголок форменых рябило,
и кисть придворная детали выводила,
и непонятно, что там вправду было.

Ленинград, 1977

Нас

1

Белая выстирывает Ночь
тьнь, заношенную от прогулок
по прошловековым переулкам.
Бедствует, и некому помочь.

Вдовая чиновница. Печать
читанного, не припомнишь — где-то.
Жилка голубая. Скрип паркета.
От усталости не может спать.

Первым лунный вывешен лоскут,
вымыт, отбелен и прополоскан,
синяки зачищены до лоска,
глазу закрываться не дают.

— Медный грош, серебряный алтын! —
распрямилась над речной лоханью,
дальние заставы освещая,
светом, исходящим от седин.

2

Белизна съедает пятна слов :
ни следа, ни эха, ни остатка.
Жизни ткань подвержена усадке,
попадая в руки бедных вдов.

Этой прачечной обязан всем,
каждый ищет здесь миропорядка.
Все анахрониз мы (опечатка) .
Город от крахмала затвердел.

Жизненного опыта лишен,
свет ночной несет всепониманье.
Русской прозе жизнеописаний
опыт эмпирический смешон.

Ночью пронизательная мысль,
пожелав к кому-нибудь прибиться,
бодрствующего, как очевидца,
осенит — и он готов. — Лечись.

Разрисован утиным перышком
с нажимом и волосяными
каллиграфом (до самого доньшка
в чернильнице) черным по синему
вечер. Прописью дерево,
расчесана каждая прядка.
Глазу отсутствие серого
до обалденья приятно.
Воздух заденешь — взъяпонится,
в скулах небес раскосость
задаст географию школьнице
и где заграница расспросит.

•

Как солнце падает на стену у голландцев,
как светит атлас на плече ее и как
прилежно пишется письмо любви на глянце
стола. И зеркало, а в нем слуга, колпак.

Глаза смущаются подглядывать за нею.
Она тревожится: "О, только б удалось
свиданье вечером!" Дописывай скорее,
потом заправишь в чепчик прядь волос.

А тень от притолоки падает отвесно,
а сумрак в комнате сгущается в углу,
а молоко, котом пролитое под креслом
тому три века... Помнишь? — Помню. Да. Слугу.

Развитие сюжета

Иосиф , сухопар, рыжеволос,
испанским грандом из дому спешащий.
Его сынишка, маленький Христос,
светлоголовый, за штанину тащит.
” Не уходи, ну, пап, не уходи, ”—
и смотрит вверх, где головою в небо
стоит отец. И тайна впереди
его рожденья: смысл ему неведом.
— Пойми, что происходит.— Нет, он мал,
вцепился, не пускает. Миг победы!
(Эль Греко — маньеристом кто назвал?
Известно, инквизиторы. В Толедо.)
Над ними низко в синих желваках
от напряжения: дознание пристрасно—
плоть неба ни мертва и не жива,
и рваные края кроваво-красны.
Но судорожный поворот к дверям:
” Мне надо. Отпусти меня, мой милый. ”
Он сразу понял и отпрянул сам,
и друг от друга прочь их нимбы взмыли.

По Ван Гогу

В современном обществе мы, художники,
пропадаем люди.

Из письма Ван Гога брату

Мазки, витки мазков, как вихревые токи.
Холст чувствует магнитные поля
пространства, невмещающего в строки
тесненных обстоятельств бытия.

Кривой стежок к стежку, ткань жизни прохудилась,
на пестрых лоскутах господствует рельеф
и давит изнутри. И Божий мир, как милость,
которая не делится на всех.

В те дни, когда мистраль проносится осенний,
буйнопомешанные пастбища стоят.
Порыв! — потоки трав по направлению к тени
увлек и превратил в кудрявых стад.

Довольствуемся тем, что мы не проглядели,
как собирает свет, оставшийся от дня,
гуляющий чепец немолодой модели,
так бел, что, мол, отстаньте от меня.

Бессильны вывернуться нынче на изнанку
и показать, как надобно прожить.
— Болтаю долго, прям, арлезианка,
когда позировать ее не упросить.

Срамные коляды

Ряженный поезд
во двор чужой.
В гляделки пристроюсь
с Полярной звездой,
бдит по отвесу,
больно светла.
Ночь, как невеста,
мягка да бела.

Топанье. Хохот.
Задвижка, забор.
— Ох, плохо-мне-плохо,—
гармонь, перебор.
Звезда на отшибе
уткнулась в сугроб.
Залив, как на дыбе
растянутый, мертв.

— Стал отпевать бы?
Последний долг
похож на свадьбу:
венчальный шелк,
беленьый саван
по грудь замотал.
Прощанье справим,
а там — отвал.

Домы. Дом. В доме — родня
у других невест,
не у меня.
И зима окрест
наостряет лыжню,
завлекая в лес
по пять раз на дню.
Любовь ко мне мест,

к месту — моя
любовь и, к нему
одному прильня,
напоследок пойму:
лес стоит стоймя,
тень лежит лежа,
не воротит меня
клубочек-Земля.

Что-то знает снег
обо мне наперед,
скрывая от всех,
только мне не врет.
Докопавшись до трав,
как в берлоге, в снегу
прохлаждаюсь, упав.
Метлой отряхну.

Снежок, как ладонь,
остужая лоб,
унимая боль,
под скрипы скоб
креплений жестких,
скрипящих подошв:
уйти — уйдешь-то
да что найдешь?

Тень от сосны
и сама сосна.
Льдышка луны
запорошена.
Ни человеческий,
ни птичий след
не метит встречу:
тебя здесь нет.

Ветка. Валежник.
Сарай. Дрова.
Кто здесь прежде
ночевал-дневал,
с этим ведром
за водой к ручью...
— Да, не твой же дом.
— Покидать не хочу.

Трупом последний
февраль лежит.
"Грибков намерен..." —
на жительство вид.
Мертвяк остывший
не оставит жилья.
Выносят. — Милый!
разлука-змея.

Да, не разлука.
Незнамо что.
Дадено в руки
с водой решето.
В коленках слабость.
— Кто? — Иван Пихто.
— Я бы попалась,
да не ловит никто.

О форточке

Тулупы, армяки, овчины
и бородатые мужчины.
Платки и валенки. Прорабы.
Почти что девочки. Иль бабы.

И никакого промежутка.
Пьянчужка, птичка, проститутка,
что чистит пятна скипидаром,
чье тело продается даром.

Жильцы. Соседи. Табуретки.
Ночная смена. Гости редки.
Зачем я столько много знаю?
— Сходи, поставь на кухне чаю.

Все сырость. И в домах не суше.
— Дочь, вату с камфарою в уши.
Все холод. Все как будто осень.
Всегда демисезоны носим.

Парадники, где руки греем,
где пахнет краской батарея.
То ледоход, то гололеды,
то непредвидены расходы.

А в выходные дни — парады.
Везде милиции наряды.
Столовки, чайные, пивные
все пере-переполненные.

Снежки. И варежки сырые.
То позади, то впереди я.
— Сестричку ищешь с детским садом?
Не потерялась, где-то рядом.

Всю зиму там окно немыто.
Зато есть форточка. Открыта.
И нету дыма без огня.
Там дым. Труба. Там нет меня.

• III •

Иосифу Бродскому

Последние стихи от Вас как письма
до соотечественников доходят,
и связь обратная организует мысли,
пока распространяется в народе
то обоюдоострое сознание,
что невозможно вытерпеть молчание.

Стих норовит обмолвиться — и штампом
с эпитетами перед обращением;
на самом деле, дело в том, что — там Вы,
и хочется усилить выражение.
Что, в пресловутом женском произволе,
хорошего сказать себе позволю?

Что предложить в обоснование темы,
когда не состоялся факт знакомства?
Нас не представили друг другу теми,
кем мы — что в имени тебе моем? — зовемся,
и не пришлось, смеясь, пока нас произносят,
подумать: прямо вылитый Иосиф.

Пишу, но опасаясь быть некстати.
При полной невозможности отсюда
послать любым из средств коммуникаций
письмо, благодарение о чуде:
долг личных обязательств перед Вами,
мне много объяснившего стихами.

Едва ли поспособствую я слогу
литературному, чтоб вышел толк.
Что более могу, чем: слава Богу! —
и на другом конце: не дай Вам Бог!
Что делается с нашими сердцами?
— Как маятники ходят под часами.

Настал черед пифагорейских чисел
продемонстрировать служенье музам.
Я думаю, хотя нет строгих истин,
соединительные все же есть союзы;
втолковывая сыну в первом классе
значение их, что ж — неправа я разве?

Из детских лет при слове "стенограмма"
мерещится присутствие суда.
Понизив голос, возмущалась мама:
" Опять поэтов судят," — и тогда
определившись, подтвердилось мнение,
что этот факт составит поколенье.

Не нравится мне заключать в кавычки,
и, верно, обойдусь автоцитатой,
все пригодится, как в подъезде спички,
где новой лампочки всегда напрасны траты:
работа алкашей, что у ларьков
на повороте с Маяковской на Басков.

Пора на дачу, натопить до ночи,
чтоб дым отечества, преобразившись в тучу,
поплыл за океан, так путь короче,
а я подую вслед. Здесь дождь научен
не мысль переносить, но снов и строк
заботу он перенести бы смог.

День в Териоках. Дачный трест, как мессия,
является к зиме: принять на щит.
Поэзия не может быть профессией,
и тот, кто это знает, тот молчит.
Деревья, отделившись от заборов,
засовещались, как парламентареры.

Октябрь исходитя последними листьями,
осенний месяц забегает в зиму;
как это выглядит, Вы знаете и сами,
день отстоит такой, что душу вынет.
Обычно межсезонье здесь в природе.
Безвременье, но что-то происходит.

То хлопья падают, то их относит ветром,
снег исчезает на поверхности залива.
Стою и мерзну: не по-зимнему одета.
Пейзаж в сохранности, но время провели Вы,
здесь отведенное. Мы жили по соседству,
но не оспорим недвижимости в наследство.

Предложенное временем пространство
считает, что пейзаж неповторим,
хотя наслышано, что флора постоянно
хранит до атлантических равнин.
Никак не выведу систему единиц,
что измеряет бесконечность: без границ.

Еще нет тридцати, но все трудней общенье,
все уже круг, все хуже со средой.
От одиночества спасет уединенье,
что проверяю на себе самой.
Неинтересно стало спорить. Может статься,
что скоро будет не с кем соглашаться.

А побеседовать в согласии — немало.
А точность мер, как и весов, нужна при торге
и на суде; я не сужу, и так влетало,
что ни от левых, ни от правых не в восторге.
Но столько раз пришлось за Вас вступаться,
что объясняюсь в пониманьи, в сходстве, в братстве.

В своем отечестве пророку не полезно,
езде не так, как хочется, живется.
Пять лет прошло от Вашего отъезда,
стих выжил, поплутает и вернется.
В чем суть отечественного обмана?
— Воруют, но из своего кармана.

Поэт и власть. Народ и кнут, и пряник.
Не выбраться из пушкинской эпохи,
застряв на повторениях: "изгнанник"
все "с севера" и "с дикого", — со вздохом,
что "в сторону". Не выжить и самим,
что говоря, фальшивим, безмолвствуя, грешим.

Как у Пьеро, все грустно. Все грустней.
И не от кого стало прятать слезы.
Плохих на свете не бывает новостей:
сбываются лишь худшие прогнозы.
Боюсь, сегодня укрепившись в этом,
я посопровствуюсь — и уеду.

"Куда ж нам плыть," когда уже несемся
и направление на ходу не выбираем.
А следом тянется все то, с чем расстаемся.
Посередине есть земля меж адом-раем,
где мне заплаканной, без сна, над "Частью речи",
желать помочь, хоть помогать-то нечем.

Дослушайте. В чем функция культуры?
Ошибки учат нас их снова повторять.
— Чтобы писать могли подобные мне дуры,
но это лучше не стараться проверять.
К тому же встрече нашей вряд ли состояться.
Заговорила, но пора прощаться.

1977

• IV •

Евгению Львовичу

Длинный хвост стоит у ларька " Пиво-Воды ",
бьет старик об угол подъезда сухую воблу,
рядом дерево в луже пивной простужает ногу,
а мой друг читает Бродского. (Переводы.)

Помоги нам, западный шквал, пережить эту осень,
подгони эту очередь: эту струю на ветру не сносит.
Только это и есть союз рабочих, солдат, матросов.
Мы попросим раз, а больше мы не попросим.

Как выходишь на улицу в город: такова альма-
матерь.
Тот, кто воблой стучал, присел у стены, потерял
фарватер.
Помню, в детстве мама любила крахмальную
скатерть.
Трехлитровая банка в сетке, бутылки сдали,
на пиво хватит.

Что-то мы не продвинулись ни на шаг за это время.
И как рано темнеет. Скоро зима ноябрь сменит.
Дай нам Бог, сохраниться теми же самыми, теми,
кем мы сами хотим, отличая свой свет от тени.

Так и кажется, жизнь прстоишь в затылок, среди
народа.
Повезет — достоишься в едином порыве. Такова
свобода
выбора: на ту же улицу из парадного или с черного
входа,
коли вышел, дыши, а потом напиши панегирик
или оду.

До чего же мы счастливы банкой, наполненной
светлой пеной.
Дерево издали, как рука старика: прожилки, вены.
Вот придем домой, наполним кружки, будем читать
"Путешествия" Стерна,
мир увидим, не замочив сапог, радуясь, что
жилплощадь трехмерна.

А пока мы на улице, шарфы замотаем плотнее.
Мы не пишем стихов. К аналогиям страсть не делает
нас умнее.
И, понятно, страсть к различиям делают так, что
они виднее.
Нам в конечном счете за то и другое намылят шею.

1977

Елене Шварц

Ты пьяная была по телефону
и говорила: " Вы, Марина, приезжайте."
А я была трезва и не хотела
себе неблагородных преимуществ.
Был третий ночи час и время оно.
И кто-то разглагольствовал о Данте.
Об однолюбстве. О душе. И до разделов
о Польше. Об Армении. О куцах
прирайских, внутрирайских. Беззаконных
постановлениях месткома в ихнем жакте.
" Какой-то бред..." " Я что гулял?..." "И то и дело
свеча..." Всех русских дел угар насущный.
Все ж дозвонились до такси они спросонья.
Всех остающихся в дому все жальче, жальче.
" Сюда я больше не ездок! " Пальто все в меле.
" Вон из Москвы! " Валить отсель, от петербуржцев.

•

Асфальт. Машины. Дерево между домами.
Ноябрь. Не верится, что может зеленеть.
И кто-то мечет полными горстями
в ломберное сукно газонов — медь.

Трамвайчик в Баден. Императорские лампы.
Возделаны поля. Куда ни глянь, везде гемют.
Афиши. Скачки. Господи, что нам-то:
зачем-то рельсы в обе стороны бегут.

Вена, 1978

●

Много стен и немного деревьев.
Много неба, и несколько птиц
между ветками, как между спиц,
вьют узлы на осеннем кочевье.

Пантомима без нитки. Театр
в декорациях осени с ветром.
Eine Frau: «Mein Gott, Lieber Vater,»
в меховой пелерине, но бедной.

Вена, 1978

Баллада

Шопеновские спуски по ступеням
увитого плющом особняка,
взбеганья легкие сквозь солнечные тени,
и страшно встретиться с глазами поляка.

Запущенные парки романтизма.
Любимец. Пасынок. Сей мальчик — нарасхват.
В мазурке шляхтичка, в шинке его отчизна,
и русские князя благоволят.

Бежать! В пути настигнет птичий гомон,
но непосредственность неслосна для него,
долбит лед бешенства и склевывает гонор,
не смысла в контрапункте ничего.

Бегут навстречу, задыхаясь, ветки,
и распрямляется после дождя трава.
Он холодно глядит на мир в окно кареты:
нет ни души, что звуки, что слова?..

С балкона

1. Утро

Взгляд сверху открывает перспектив
скрывающихся вечные широты.
И хочется подалее отойти,
но только возвращаться неохота.

Под крышей жизнь имеет смысл прямой,
меняющий значение каждодневно:
мол, что-то все же есть над головой,
что: не дает засматриваться в небо.

Взгляд сверху полагает свысока
о мартовских возможностях пленера
в обратной перспективе. Лишь строка,
сбегая, увеличится в размере.

2. Вечер

Во двор заходит, словно скучный гость,
сутулясь между дымоходов, Месяц,
и, оглядевшись, видит: вкривь и вкось
стоящие дома остатки снега месят.

А небо, как перележавший габардин,
насквозь просвечивает, будто молю съеден,
и звезд прибавилось, как в зеркале седин,
и бедственность судьбы от звездных метин.

День прожила. Как скоротать звезды
настойчивые, через щелку, взгляды
сквозь штору незадернутую? Ты
не откликаешься полгода кряду.

Вена, 1979

Гайдн. Времена года: лето

Сегодня ангельский рассвет
не предвещал такого грома,
не выпускавшего из дома
весь день. — Не дай же худших бед.
Мы вспомнили вторую часть
симфонии, где есть у Гайдна
такой же шум, как будто тайна
давалась в руки, чтоб украсть,
присвоить тему иль мотив,
что меж холмов застрял в низине
и не был найденным поныне,
могли бы мы, переманив,
переводив в другой язык,
не изменяя их обличье,
звучанье венское и птичье,
но новый ливень нас настиг.

•

Ступени. Лестницы. И некие вершины,
которым надлежит вот-вот открыться...
подъемы долгие. На горизонте пиний
оставшие ряды.

Здесь жители и птицы
при римском профиле. Застряли насмерть камни
в других камнях, запомнивших столетья.
Рим сходится к реке для поминальной пьянки,
а мост, слаб на ноги старик, куда б улечься?..

Рим, 1979

•

Во дворе сушат стирку. Цикада звенит.
Снимают сухое. Щербатые дали,
когда солнце косит, покидая зенит,
открываются взгляду: таких не видали.

На веревке за домом режут стрижи
простынку воздуха ножницами.
Кто-то поет. Голосок дрожит.
Это голос любви за семью замками.

Песня

(с итальянского)

Ты не узнаешь, милый: закат бы погас
от приближенья к твоим глазам моих глаз,
в гьме наступившей каким бы светила огнем
тысячеоким, было бы думать о ком.

Ты не узнаешь, милый: как утром луч
рыщет в ресничном кустарнике из-за туч,
спящих глаз утиную пару спугнуть и поднять.
Нет тебя. И видно, нашей любви не бывать.

Ты не узнаешь, милый: как поутру
веки взлетали б твой встретить взгляд, так смотрю,
словно веточку прививая к стволу,
ранке в боку Адама края сомкну.

Тоскана

Здесь время медленно и небо неподвижно,
и путь в сопровождении Аппенин
ведет наверх и забирает выше,
разгадывая замыслы равнин.

Здесь разговоры геральдических соседей
и толки в воздухе, и звон монастырей:
того, кого изгнали, тот уедет,
а кто иском, не подает вестей.

Здесь страшно близости к подкупольному склону,
здесь горизонта нет над горнею землей,
и близость черного к такому голубому
мучительна сама собой.

Выглядываю: дом под красной черепицей.
Стена. Растут деревья сверху вниз.
И хочется сперва придумать жизнь,
а уж потом в ней поселиться.

Флоренция, 1979

Есть одиночества немислимый предел,
куда нога не ступит человека,
там мне земельный выделен надел
от господина Века.

Там перекапываю землю тощих гряд,
из каменистой почвы рою камни,
там от земли не поднимаю взгляд,
пока оброк не справлю.

— Доволен, барин? Отработала в полях,
куда язык не подпускает.
Преувеличиваю? — Нет, как бы не так,
еще преуменьшаю.

На польском

— Зачем тебя назвали польским
именем? они же все антисемиты.
С.Б.

Сидит девочка-Мариночка,
гладит свое польско имячко.
— Не плачь, голубка, дочечка.
— Жалко Польшечку.

Пейзаж после новой битвы, учитель.
Прежде Вас бы сожгла инквизиция,
вменив в вину прелюбодеяние
с родным: с Отечеством. Нет, не стану я
разбирать причины, их последствия;
они, сойдясь, представляют бедствие.
Нет ему голоса быть оплаканным,
ни воспетым: нехотя, из-под палки.
Здесь тишина, словно все на кладбище.
Стол, как к поминкам: залейся, пьянице!
Изобилье способствует антиперистальтике:
не нужно в глотку совать два пальчика.
Тишина. С крана капля не срывается,
а висит — привыкает молча маяться.
В опоздавших признаниях нету смысла,
речь закована льдом, словно берегом Висла.
Но и раскаянья не дождетесь.
— Люди где? — Граждане на работе.
Нового ничего не придумать на свете.
Мы умрем, останутся наши дети.

Кто б приказал бы и мне заткнуться!
Жить в Америке и писать по-русски,
как иметь постыдные наклонности
иль дурную болезнь в венериной области.
Этот временный дом обжит навечно,
не присвою чужого — местной речи.
И от своих держусь подальше, панове,
наше бомбоубежище в Слове.

И еще у меня пристанище — имя.
— "Самозванец-то, гля, женат на княгине."
Миловались на троне да шиковали,
их за то неотпетыми погребали.
Вечер. Звезды компостером пробили,
вагон закрыли. Вся-то мощь в лошадиной силе.
Страшно лагеря, войны, страшно погрома.
— А в других городах? — Там страшно по-другому.
Небо здесь — плохая копия неба.
Как земля, черно, словно ждет посева.
Облаков промасленная ветошь
протирает луны облезшую ретушь.
Отворот ее трех четвертей скуластый
унаследован в точности желтой расой.
Неба солонка в мелкую дырочку
сыплет на раны. — "Прошу улыбочку!"
Наши нахимовцы-суворовцы
все в арьергарде, добры молодцы.
Только некому крутить картину,
надо стадо выпускать, пасти скотину.

Нью-Йорк, Декабрь 1981

• V •

Простыми средствами

(читая Ахматову)

1 Актриса крепостного театра: XVIII век

Мы в одной артели песнопевческой,
нашим голосам вступать пора.
Брате светлый, сыне человеческий,
я ль неподходящая сестра?

Ночью за подснежниками в стужу я
послана и, видишь, собрала.
Вот пришла, зову тебя, мой суженый.
— Ну, Амур, ну где ж твоя стрела?

2

Зведома любовь моя была ль?
Нечаянно ль ее я повстречала?
О, ночь бессонная, обмолвись: не случайно,
скажи: покинь, покинь ее, печаль.

Луна потупилась. Подкрался близко свет.
И сердца пузырек наполнился до края.
И день сегодняшний пугается, я знаю,
вчерашнего не распрей, а побед.

3

Коль больше посуду не бьют
российские наши монголки,
сам жизни прозрачный сосуд
на мелкие бьется осколки.

Что я — невозможна? Ответь.
Скажи, я ненадобна больше?
То двух одиночеств комедь,
и каждый доигрывать должен.

4

Ни победного списка нет.
Никого нет: далекого.
Никакого нет близкого,
задержался чтоб около.

Нет ни встреч, ни прощаний с ним.
Нет ни взгляда, ни окрика.
И живешь с опозданием
на полвека и отроком.

5

Жалко, что на солнце пятна.
Жалко, что играем в прятки,
обращаемся в побеги,
друг от друга мы, стратеги.

Руку не протянешь первый.
Я себе останусь верной.
Нет ни Рая нам, ни Змия.
Так ведут себя чужие.

6

Тень наводишь на плетень,
а ведь самое начало.
В сердце поселилась лень
новая, какой не знала.

Кто события торопил,
нынче медлит тот с игрою:
то ли порастратил сил,
то ль измучился со мною.

7 (сказка на ночь)

Звуки так или иначе
ударяются в тебя.
Дальних мыслей передача
с расстояния слаба:

"Срок назначенный просрочен.
Конь умчался во всю прыть.
Певчих дел вовек не кончить.
Милый, как не полюбить?"

Не поехала. Осталась.
Да не очень-то он звал.
Та царевна Марьей звалась.
Та, из-за которой бал.

8 В листопад

Деревья, словно рекруты, в затылок.
У каждого из-за плеча двустволка
маячит, как флагшток для кроны пыльной.
Одно отстало, метит в самоволку.

Сворачивают старую красильню.
Застопорилось дело. Не идет
кампания. — И я, как ни двужильна,
я раздружусь с тобой, придет черед.

Стихи происхождением от географического фактора

1. Страсти по столичной речи

Б.З.

Саечка московская с усмешкой
чоботом по лесенке неспешно
с разворотом на площадке югенд-
штиль, кто этой мудрости пригубил.
Стыд купеческий благополучен:
лепишь как попало жизнь, коль случай.
Кремль рекою чуть не подавился,
сызмальства ей к юбке притулился.
Снежный ком задворок подростковых,
тупиков, строений. С полуслова
ловленный — заврался пустомеля,
калачами языки черствели.
Краснощекий топ, укус морозный,
нет таксомотора — все в извозе.
Враз на кузнецовском на фарфоре
проедали tempo и mo.
— Матушка. Любовь моя. Голубка.
Кто б молчал. Еще побыть бы тут-ко.
Только б не домой! Родным пенатам
дело до всего, придурковатым.
(Зимние каникулы. Кто гонит?
Девочка с проводником в вагоне.
Ожиданье в многолюдном зале.
Так там говорили. Мы слышали.)

2. Страсти по ленинградскому климату

Дева печально сидит у воды,

Праздный хабарик держа.

Из А.С.Пушкина

Выросли под дождь. Фасад замызган.
Западают клавиши карнизов.
Водосточных труб блатным куплетом
по старинке: нет-мол-счастья-нету.
Слух, латинской белены отведав,
зарится на финский слог соседев.
Дат, инициалов друг дотошный
век долдонит, книжный червь, лотошник.
Островной волною захлебнулся,
вполз на берег: не нащупать пульса.
Белокож мерзляк и узкокостен,
ну, куда тебе на север в гости?
А навстречу, растопылив руки,
весь позеленев от старой скуки,
шел собор, то сплющивал гармошку,
то вздувал меха колоннам тощим.
Солнце редко. Золотит отдельных рыжих,
чтоб источник света был поближе.
Рядом появление купидона,
хоть и нагишом, вполне законно.
Грудь — щупла, гортань-то худосочна,
что издаст, и сам не знает точно.
Тростничок-свисток, а валит сосны.
Корабельной роще ломит кости.

EIN KOPF

Век полукружия,
куда заходит взгляд,
пока досужие
слова уста твердят.

Под аркой стрельчатой
подкупольный овал.
Меня при встрече ты
зачем туда зазвал?

С нас позже възыщется,
и Время имена
сплетет в ту ижицу,
где стану я видна.

Под своды глаз твоих,
вымаливая свет,
мой проникает стих,
и мне возврата нет.

•

То, что называется судьбою,
слышится то явственной, то тише.
Сколько неба видишь пред собою:
краток, долог век — не нагладишься.

Отвяжись! За что? Пал выбор что ли
на меня? Вытягиваешь жилы.
Небо тут при чем? — чтоб помнить волю
в этом содержаньи в предварилке.

•

Небо — розовая толстая неряха —
зависает, нагоняет страху,
припухает мордой кривосферной,
дети испугались бы, наверно.

Мне-то что: не убежишь. Не убегаяю.
Водит глазом, косоглаза, карга злая.
Все за мной плетется вслед — травую, лугом.
— Подведет, как лучшая подруга.

•

Весною все заражено, как оспой,
все в воспаленной скарлатинной сыпи,
все в раздражении: то приторно, то липко.
Живешь как взрослая, живущая средь взрослых.

От птичьих перелетов воздух мнется
и мятой простыней цепляет ветки.
О, кто бы научил скрывать секреты,
почерпнутые в предыдущих веснах!

●

Кустов опознавательные знаки
и птичьи лоскутки замусорят закат.
И кто-то: я, своей прогулке рад,
фланирует, разглядывая ряхи,
и кто-то: тоже я, раскланявшись не в лад,
от неумения сказать переживает.
Денька сегодняшнего ткань полуживая
надеется: к утру перекроют,
и завтра будет мудренее все ж,
обновка утра мне обнимет плечи,
и вся — по мне. И оправдав дар речи,
я похваляю ее, не только ж ты хорош.

•

Корявым деревянным языком,
бессвязным, нечленораздельным,
ни в строку слово, ни столбцом: торчком,
как первобытным, создавая день нам,
сам бессловесен, жуток, словно Бог,
через пророка откровенье славший,
Лес уговаривал. Он истину изрек
другим каким-то способом, не нашим.

●

Прижаться к дереву и стихнуть,
застыть и чувствовать спиной,
как ветер-громкоговоритель
сникает, соблазненный мной.
О, как он быстро забывает,
что говорил тому назад
мгновенье, походя лаская
волос с ветвями слитый ряд.
Сказавши "нимфа", улетел он.
И только сердца метроном,
забытый в деревянном теле,
стучится в воздухе немом.

•

Любовь с Зимой не получилась.
Зима не появилась тут,
ее не снисходила милость,
на стороне ища подруг.
Весна в дверях, а я с весною
к любви теряю интерес;
но обнажение такое
во всем, и в том числе сердец,
ты только тронь — вспорхнул и нету,
и только видели его:
кто зимовал в нем, тот на лето,
как птица — и тю-тю того...

•

Портновскими булавками
подкладка ночи приколотая,
в фольгу обернуто сладкое
полнолуния золото.

Как небеси рассуропило
залежавшейся Млечной патокой!
Луна все печали слопала:
то-то глаза заплаканы.

•

Серого небушка
краюшка хлебушка
запечена с желтком.
От звезд просолится,
на этом застольице
мы с Ночью вдвоем.

•VI•

Сыну

Ветер лижет холмы языком,
словно детенышей. Мы уснем
под колыбельную, что сквалыжит забор,
как алкашей заунывный хор.

Ветхий атлас раскрыл звездочет
над головой. Луна сечет.
Светлячков кисея прикрыла окно.
— Не мои б слова, ты бы спал давно.

•

За поворотом улицы пустой,
где ничего не происходит,
сутулый тополь занят сам собой,
один, без тени, ходит.

Он, припадая на ногу, дорог
нечесанной башкой не разбирает,
шатается то вдоль, то поперек,
кривая у него прямая.

В подоле путаясь и оттого сердясь,
хотя был спуск с холма пологий,
шла Осень с севера. А местность вся —
лишь приложение к дороге.

Жметя к выходу Осень.
Месяц, словно он болен,
вышел ночью и косит,
косит звездное поле.

Сам кривой, кособокий,
наизнанку рубашка,
бесконечные сроки
в поднебесной шарашке.

Прививает привычку
к ежедневным потерям,
месяц скосит и вычтет,
и остаток проверит.

У него не осталось
в нищем сердце желаний,
только самая малость:
передач и свиданий.

•

Вот поставлю заплаты.
Вот заштопаю дыры.
Шью: туда и обратно,
как прожектор в эфире,

как слепая тетеря,
и зачем ей одежды?
В что не сбудется — верю,
в что совсем безнадежно.

А к утру разошелся
под моею рукою
шов. И тычется в щелку
луч, как в место больное.

Деревья отбросили тени,
как платья, комком.
Свобода их телодвижений
граничит с грехом.

Измятые, скомканы в спешке,
их тени лежат
у всех на виду: веки смежьте
и в щелочку взгляд.

И стал дальнозорк близорукий.
(В уме о своем).
Погладить потянутся руки:
к кому бы — вдвоем.

Их тулова с туловом тесно
сошлись, а ветвям,
вдали наводящим на резкость:
все стыд им, все срам.

•

Деревья нежничают с ветром,
отталкивают, привлекают.
Он загостился среди веток
и ослабел от прикосаний.

И телеграфом разлинован
простор, как для письма страница.
И кажется, влюбиться снова
возможно может получиться.

Весна. И не узнать окрестность,
еще ни почек, ни цветенья,
но в приготовившемся сердце
вот-вот придет конец терпенью.

Трудности апреля

Затяжная атака весны,
молодое упрямство, беспутство,
все силенки в кулак — дотяни,
дотерпи, чтоб в пути не загнуться.
Ткань воздушная вброд подалась,
задевает полой, вездесуща,
и заминок предсмертная страсть
по весне растравляет все пуще.
Оживает, и краска к лицу
возвратится, исколет подранка
изнутри — по волокнам, мясцу
жизнь забьется в досочке, болванке.
Мимоходом, по-женски ловка,
отряхнет подростковая зелень
неразглаженной юбки бока
на уже распустившемся теле.

•

Эта жизнь в горах на краю долины
учит шею тянуть, не сутулить спину.
Часто тени облаков ходят по склонам,
остужая леса, где пахнет паленым.

Превосходство гор надо всем пейзажем
открывает даль, и она в покое,
перебежка стайки деревьев даже
не напомнит вам что-нибудь такое...

Состоянье: когда свои пределы
покидает мысль, насиженный угол,
дальше слов идет, оболочки, тела,
обходясь без лиц огородных пугал.

Как-то страх потеряться в низинном мире
он не больше страха найти дорогу,
потому провожу жизнь свою в квартире,
от пространства скраю, в коем мало проку.

Потому и медлю на горной складке,
как на исполине, травой поросшем,
прижимаясь к боку, бок круглый, мягкий,
он давно уснул под зеленой толщей.

Но недолго медлю: зовут из дома,
и уже не скроет темная крона,
голоса все ближе, слышнее пени,
лишь запомнишь тепло и тяжесть тени.

●

Я знаю несколько разгадок
тайн бессловесных, тайн немых:
рапсод на безъязыкость падов,
во всеуслышанье проник.

В нем радости неудержимой
неистощимы закрома.
Сим ликованием без причины
я преисполнена сама.

Все держится на честном слове
его бесчисленных надежд:
нам мироздание не внове,
все исходили вдоль и меж,

и натыкались на крылатых,
и будем натыкаться впредь,
всесильные в координатах:
земля и небо, жизнь и смерть.

•

Расстройство утра состояло в том,
что леса переросшая щетина
колола в подбородок небосклон
и нежную скуластость не щадила.
До боли расцарапанный овал
от красноты отыскивал спасенья,
покуда свету подступившему не внял
и день впустил, и примирился с тенью.

Ноктюрн

Бессонница. И можно думать о тебе
как мне угодно долго. Тишь ночная.
Ничто меня от дум не отвлекает,
и веки помогают темноте.
Всей радости, что проволочка впрок.
Сердечко Времени сжимается навстречу
идушим нам двоим. И, вняв его наречью,
мы не торопим приближенья срок.
Сжимается. Процежен счет минут
по капле, источает без обмана.
Твое присутствие во мне так безымянно,
что как-нибудь его да назовут.
Мир скрылся с глаз, он канул в темноту.
Тьме поддаваться, расстоянье словно
подсократилось? мыслью мочь, коль словом
не достая? и как преодолеть? (И потому
не в измерении причина, что меж нами,
ни жизнь, ни смерть, ни город — час езды.)
— Любовью? — Да. Она. Ее средства просты.
Все ей вослед, вдогонку, все дворами.
Что знаю о любви, узнала в долг,
и подписывает срок его отдачи.

Я в жизнь твою иду и чуть не плачу:
кто там меня булавкой за подол?
Бессоннице скормила столько слов
и все впустую — не достигла слуха.
И не пойму, зачем судьба-копуха
опять замешкалась? Не наломать бы дров.
Что решено у Парок, старых ведьм?
Как разгадать их замысел? Нас двое?
Сообщницы? Ревнивицы? К обоим?
И сколько над бумагою корпеть?
Как наши нити в нить стянуть одну,
узлы распутав? Стерегу подсказку.
Молчанье. Стук часов. И надо доискаться
самой, без помощи. И глаз я не сомкну.

Речетативом

День подходил к концу, и ожиданье
себя превосходило во сто крат.
Предназначенье, предзнаменованье:
других понятий День был смертный враг.
Он потемнел, сошел с лица и стерся,
он досаждал нарочно: заменим
таким же днем; глумился над упорством,
с каким в уме соединила с ним
не то чтобы надежду, нет, корыстна
надежда: что-то просит впереди;
не безнадежность также. Нету смысла
в противопоставленьи. (Уследи,
прошу тебя, за мыслью моею,
кто дочитал до этого куска.)
Словами не играют в эмпиреях,
куда затащит смертная тоска
по взгляду, по молчанью, по ладони
его... А пульс в запястьи?... А скула
небритая?... Но что за звуки в доме?..
Здесь кто-то плачет...неужели я?..

•

Это, милый, не слезы, хотя и слезы тоже.
Этл будущих плачей разлив, как грунтовых вод,
показал глазам: не спрячешь потом. И гложет
не сегодняшний день, а тот, который придет.

Это, милый, еще не слезы. Это стихами
вторгся твой голос и мой озвучил слух.
Это лес и кукушка. Но только считать не станем.
Это мокрых ресниц внутри — зрачок мой сух.

Поздний звонок

То ли уже проснулся,
то ли еще не спишь:
сонную нитку пульса
путает сердца мышь.

Шмыг: в капкан телефонный.
— Спичку возьму, — замолк.
Чиркнул, на перепонке
оставляя ожег.

Ранка на теле ночи
от затяжки во тьме,
как зверек, кровоточит,
где отвечают мне.

В горах

К утру живот небес засветится,
и складки опадают с краю,
от народившегося месяца
царапина не заживает.
От этой боли кто ж откажется!
Я и сама принадлежу
уснувшему в ногах пейзажу
вся целиком, как мужику.

•

Паричок леса
с остатком искры
с затылка слезший
лысой горы.

Вдоль дороги внизу
сама себя выгнав, пасу,
ждут деревья, раскрыв объятья,
увидав меня издали, братья.

•

Белолицая зима
сеет мелкой крупкой,
у соседки заняла
горсть в подоле юбки.

Друг на друженьку в окно
с состраданьем глянем:
несъедобное зерно,
как мое мارانье.

•

Дыхание холмов, залитых солнцем,
в одном согласном ритме с облаками,
с остатками снегов в местах укромных,
с моим тяжелым вздохом, будто там я
уже дышу со всем единым вдохом,
живая, неживая в то же время,
ушедшая, как прежняя эпоха,
и хочется окончиться скорее.

• VII •

Там, где живу

1

Детский конструктор, пересобираемый вечно,
где невозможен случайно повстреченный
встречный,
перепакованный плотно, завернутый в кальку
палетки
город, в тетрадке построенный по стереометрии
в клетку.
Обнаружение вопросов, скрытых завесой сырою,
едва различаемых мною.

2

Складывать кубики в здания, буквы — в рекламы,
темные кроны деревьев — в сад, заслоненный
дворами,
и не забыть на смертельной улице, где солнца
мало,
скат для луны устроить на крыше, чтоб ни мучила,
не застревала.
— Это занятие для тех, с кем в детстве не доиграли
или одних оставляли.

3

Бумажная карта тела подростка, худого и рослого,
оторочена лентой дорог по периметру острова,
в водяную баню погружена, словно воду, от суши
отделенную, посягнули соединить, как тело и
душу.

Испаренья, осадки, смена явлений природы,
но глаза не поднять к небосводу.

4

Простиранье мостов — конечностей, скелета,
суставов,
тени от них — кривые ребра, ждущие костоправа.
Это обратный путь к гигантизму, к мезозойским
величинам,
только время считаем по-прежнему по понятным
причинам.
Это врожденный вывих, свойство юности, мерка
по росту.
— В детстве задачка жизни решалась просто.

5

Путь также туда, где единственность невозможна,
где избраннычество состоит в укромности места,
где опасность ложна.
Осторожничать с жизнью равно вдохновению
к смерти,
ни тому, ни другому, коль вас настигнет, не верьте.
— Но однажды случится, и город тогда, как сцена,
где в себя приходишь, узнав ему цену.

6

Дом наизнанку вывернут, черная лестница вместо
фасада.

Пренебрежение к лицу — показатель внутреннего
разлада.

Что-то от школьного бала: стеснительность вальса,
среди общего танца кто-то все время в угол жался.
Несколько поколений домов образуют семью,
младший у них — парвеню.

7

Одинокие есть. Это норма зрелости, она печальна.
Задираешь голову — это было в проекте или вышло
случайно?

Небоскреб отражает облако жестом великодушия
большого к малому. Мир, вмещаая, объединяет сущее:
в урбанизме есть непривычное равенство разного.
— Мысли не лишние праздные.

8

Воспаленный воздух в жару тычется в стены,
сослепу пробует запах углов, лакрицы, вербены.
Приближается ветер, как поезд, налетает сразу,
замещая свет темнотой, к чужому ревнуя глазу.
Старый платан в коросте, в белых пятнах страха,
к нему на цепи прикована урна, как собака.

9

Еще есть музыка: говор, акценты, произношения,
метро, вагон, дверь, тормоза, колес шевеление.
Столкновение деревьев с ветром под окнами. Новых
порывов
зарождение на дальних улицах. Выключатель.
Льется пиво.

Это звуки. У себя дома: мальчик играет Скарлатти,
отец его моет кисти, мать строчит платье.

10

Кончен день. Продолжение ветра. Хлопанье ветки
по окнам,
словно струны оборванной. Не слышно дождя, но
стекло промокло.
Боренье зонтов с водой, шлепки по зонтичным
сферам.
Невнятность чужой молитвы в дождливом размере.
Нюх лунный, пропиливший тучи давно,
теперь царапается в окно.

11

Из дому: это город, жилье. Снаружи: театр,
памятник городу,
бутафория овеществленная, макет, обошедшийся
дорого.
Улица как массовка, где действующие лица
не запечатлеваются, словно она снится.
Жили мы долго в таком и, раньше привыкнув
к такому,
репетируем чувство дома.

12

— Это забывчивость? — Нет, поскольку в адрес
тот же.
— Это забывчивость? — Да, и самозабвенность тоже.
Это бесследно идущие дни ни с кем ни вместе
в городе, не сохраняющем след даже в собственном
подъезде;
где присутствие духа есть в беспамятстве строк.
Это Нью-Йорк.

1980

• VIII •

Сонет: бывший

С Музой-молчалицей, нравом строга, не поспоришь.
В хвойные заросли глаз друг другу глядим:
цвет — несмываем, слезою — нерастворим,
от чужих уводит, чуждается сборищ.
Средствами овладеваю, а с ними — конечной,
может пошлетя, и цели. Разжиться бы сил.
С Временем не уживаешься — и не проси,
косточки хрустнут, так стиснет — не увековечит.
Ты же, Любовь моя, ты все трудней: по плечу
все же пришлась мне. Тебя по наколке прочту
в небесах, мощеных серым булыжником туч,
в трещинах, давших звездную течь пробоин.
Часто бывает не отличить судьбу от паранойи.
Потому и привален луны бел-камень-горюч.

Сонет: по гороскопу

И есть стихи, как заклинанья,
под нос пошепчешь — и отпустит
печаль. Подуешь, остужая
питье — как ни бывало грусти.
И обозначится пространство,
где позабыла-помнишь-любишь
не за взаимность: не признался
в ответ, кто жил, а нынче в глуби
веков пребыл. От этой выси
хлебнешь: ни капли мимо чаши
ковши Медведиц, наклонившись,
не расплескают. Так штрафная
горька виновному. Не слаще,
до дна, я зелье звезд черпаю.

Сонет: ул.Радищева, д.30

Все детство — ожидание отца.
— " На Севере отец, в командировке".
Через свое лицо его лица
угадывание. — " Не морщи бровки...
так на него похожа!..отойди
от зеркала...ты приросла?.. и лоб не морщи,
ты думай гладко, за собой следи.
Ешь, что дают, растешь Кашеем тощим".
Бессмертным. И на кончике иглы
душа. Им страшно умирать? Не страшно?
Ушли. Оставили. Сползаются углы
огромной комнаты, огромной, как несчастье:
он где-то есть. И два окна. И в них
дубовый парк, мне заменяющий родных.

Сонет: в устной форме

Я послана тебе, как посылают письма.
Письмо дошло. Рука, еще не смысла,
что принимает: ящик, ключ, конверт
— край отрывает, потянулась свет
включить поярче, тронув шнур, штырек,
остановилась, словно шнур — бикфордов,
с которым осторожно: *жизнь* — зажег,
закуривает, связь с письмом расторгнув,
— *и смерть*. Куда б стряхнуть? сдул пепел с букв;
рука к письму, очерчивая круг
магический, вернулась. В этом круге,
как в окружении, оставлены одни,
не смеем мы в глаза взглянуть друг другу,
но взгляд к руке: не предавай, прильни.

Сонет: с Овидием

Он дым костра втянул и ощутил:
им удалась охота. Кровь из жил
животного стекла, запачкав с краю
простынку небосвода. — "Добываю, —
подумал он, — и я себе трофей," —
пятно узрев, и глаз-прелюбодей
зажмурился от сладости добычи,
забыв на миг, какую звезды тычут
судьбу. — "Известий если б я, как он,
не ждал из дому — вот где зрению помеха!..
как дразнит запах пищи и огонь...
но вредная привычка к человеку
прошла... и кто-то тянет за язык
сознаться: Боги, я привык, привык".

Четыре сонета: о чтении стихов по телефону

1

Так слушала, как слушает скрипач,
щекой прижавшись, косточкой — к досочке,
смычком скользнув — ее гортань напярчь,
на струнных задержавшись волосочках,
закрыв глаза: мешает все вокруг
выпытывать у лакового тельца
сокрытое, усиливая слух
незрячестью: заговори! осмелся!
Так слушала, как он, когда скула
загонит скрипку в угол, сжав ключицей
” не рыпайся”. Рука занемогла,
в запястьи стук: за честь ее вступиться,
себе лишь слышимый — победа ли? провал?
что ждет? — Уймись, он паузы считал.

2

Так слушала, как слышит инструмент
нутром немым, молчаньем взбудоражен,
от пазухи грудной не ждал измен,
колодкой сердца сжат и взят под стражу;
как слышит он, приготовляя гриф
для голосоведенья: певчей речи
пучок зажатый — средства истощив
другие, не спасли от муки вечной
любви. — Вслух плакать? публики же нет
внутри себя, маниакальность слуха
работает не за аплодисмент:
за соучастие. И коль застал, застукал
меня, приму (не быстро говорю?)
вину и участь... Петушок пропел зарю.

3

Так слушала, как кенарем завел,
как филином заухал, как мембране
чинить старался меньшее из зол,
частотность ультразвука набирая,
фальцету вслед взвыл одинокий сыч:
в ответ не отмолчаться, как бы сильно
ни сдерживаться — некого любить,
их Брамс нам музыка из кинофильма.
Так слушала, как... нет, как только я
и слушаю, как только я и слышу,
не до сравнений: трели, фортеля
оставим упражненьям птичьим — мы же,
мы дальше музык, слов, мы слышим то,
что к ним приводит: тикает нутро.

4

Скворечник телефонный онемел,
но отдается заведенным дятлом,
долбящим в ухе: тюкает продел
зернистой памяти, готовой на попятный;
разъединив, как пуповину, связь
меж: есть — и было. Кончилось, что было.
И нет его. Рука, облокотясь,
болванку трубки снова ощутила,
начавшую охладевать. — О, им:
таких приобретений, как потеря
моя — невосполнимых величин,
ее — не хватит жизни — перемерить,
остаток — на тот свет, за — Ничего,
за — нет меня. Так слушала его.

1983

СОДЕРЖАНИЕ

I

"Спокоен час..."	9
"Город снял ночные декорации..."	10
Утро	11
Вспомненное — 1	12
Вспомненное — 2	13
Белые ночи	14
Проводы	16
Сама с собой	17
Три отрывка	18
"Посмотришь изнутри устроенного мира..."	20
"Здесь очертанья гор неровностью штриха..."	21
"День долог. Звон в ушах от падающих капель..."	22
Ноябрь	23
Автопортрет	24

II

В Летнем	25
Театр теней	26
На исполнение Третьей симфонии Бетховена	28
Нас	30
"Разрисован утиным перышком..."	32
"Как солнце падает на стену у голландцев..."	33
Развитие сюжета	34
По Ван Гогу	35
Срамные коляды	36
О форточке	39

III

Иосифу Бродскому	41
------------------	----

IV

Евгению Львовичу	46
Елене Шварц	48
"Асфальт. Машины. Дерево между домами..."	49
"Много стен и немного деревьев..."	50
Баллада	51
С балкона	52
Гайдн. Времена года: лето	54

"Ступени. Лестницы. И некие вершины..."	55
"Во дворе сушат стирку. Цикада звенит..."	56
Песня (с итальянского)	57
Тоскана	58
"Есть одиночества невысказанный предел..."	59
На польском	60

V

Простыми средствами (читая Ахматову)	62
Стихи происхождением от географического фактора	66
Ein korb	68
"То, что называется судьбою..."	69
"Небо — розовая толстая неряха..."	70
"Весною все заражено, как оспой..."	71
"Кустов опознавательные знаки..."	72
"Корявым деревянным языком..."	73
"Прижаться к дереву и стихнуть..."	74
"Любовь с Зимой не получилась..."	75
"Портновскими булавками..."	76
"Серого небушка..."	77

VI

Сыну	78
"За поворотом улицы пустой..."	79
"Жметя к выходу Осень..."	80
"Вот поставлю заплату..."	81
"Деревья отбросили тени..."	82
"Деревья нежничают с ветром..."	83
Трудности апреля	84
"Эта жизнь в горах на краю долины..."	85
"Я знаю несколько разгадок..."	86
"Расстройство утра состояло в том..."	87
Ноктюрн	88
Речетативом	90
"Это, милый, не слезы, хотя и слезы тоже..."	91
Поздний звонок	92
В горах	93
"Паричок леса..."	94
"Белолицая зима..."	95
"Дыхание холмов, залитых солнцем..."	96

VII

Там, где я живу	97
-----------------	----

VIII

Девять сонетов	101
----------------	-----

Imprimerie «Syntaxis»

